

**Анастасия
КЕНЯЙКИНА,**
19 лет

Мой поезд идёт уже целую сотню лет.
Пытаюсь привыкнуть к устройству такого мира —
В прокуренных тамбурах каждый встречать рассвет
И вкручивать новые лампочки. Пассажиры
Уходят, меняют станции невпопад,
Забывают свои чемоданы размером с якорь.
Их стакан с недопитым чаем звенит не в такт,
Выбивая меня из ритма. Повсюду слякоть
Заползает в углы и щели, ища приют,
Убегая с чужих ботинок в мой тамбур белый.
В моём поезде едут те, кого где-то ждут,
Волочась по перрону нервно без сна и цели.

Я тебе оставляю скомканный старый конверт.
Без письма и без подписи — нет у меня чернил.
Это всё, что осталось от памяти прошлых лет,
Когда воздух глотался горше, чем едкий дым.
Положи туда ворох листьев и стук дождя,
Это небо в разводах и мокрый от слёз перрон.
Понимаешь — без осени попросту жить нельзя —
Это шанс без раздумий прыгнуть в пустой вагон.
Положи туда запах трав и прохладу рек.
Они будут тебе укрытием от невзгод.
Лес — твой храм. Твой защитник и оберег,
Он хранить тебя бережно станет из года в год.

Положи в конверт мысли, взгляды и город весь —
Миллионы огней, улыбок и нежных строк.
Положи в него то, чего так не хватает здесь,
Когда мир умирает прямо у наших ног.

Путаясь в полузабытых снах,
Тонешь в пучине вод.
Чувствуешь горечь и терпкий страх?
Мгла набирает ход.
Тихо ступаешь по дну миров,
Навь укрывает тьмой.
Дрожь пробирает от диких слов,
Сказанных не тобой.

Видишь, деревья меняют цвет —
Это игра, обман.
Можно скитаться здесь сотню лет,
Веря чужим словам.
Маки блуждают в сплетеньях вод,
Им не страшна полынь.
Хочешь увидеть небесный свод —
Не покидай святынь.

**Сергей
ХАРИТОНОВ,**
22 года

Мой папа — борец айкидо.
Бросает он всех на татами,
Он с чёрной густой бородой.
Силён он. Ну, знаете сами.

Силён и всегда был таков.
В плечах он широкая рама.
Бросает друзей и врагов,
И бросил когда-то нас с мамой.

Я в жизни резво начал гонку —
Бежал на первый свой звонок,
А мама кинула вдогонку
С корицей булочку и сок.
Но поначалу так уныло:
Руками часто пачкал мел,
Но как должно быть, так и было.
Друзей там первых заимел.
Стояли рядом на линейке,
Я помню, будто как вчера.
Но жизнь — идти после армейки
Кладовщиком в «Мария-Ра».
Верните музыку былого,
Пусть заиграет время вспять
Усиьем сердца дорогого.
Я вспомнил, что хотел сказать:
Не та ведь жизнь, не ту хотели.
Пусть каждый сердцем и поник,
Мы бед не знаем, дни недели
Рисуем цифрами в дневник.

**Софья
КЛЁНОВА,**
18 лет

без остатка себя терять в бесконечной юности,
верить во все возможные чудеса,
ей бы немного смелости да поменьше трусости,
чтобы брать то, что хочется, но нельзя.
ей бы раскрасить весь мир в оранжевый

или жёлтый,

целыми днями что-нибудь рисовать,
спрятать своё алое сердце за прочным щитом бы,
чтобы никто не задел опять.

красными всполохами вспорото небо,
не слышно шуму (почти) городского,
знаешь, твоим-то никогда я и не был,
ты не подумай чего-то такого.

с тобой было весело: много смеялись,
из горлышка пили плохое вино,
я в жизни встречал очень много красавиц,
но с ними всё было как будто не то.
сколько сердец раздавил — я не знаю,
что всех их любил, то сплошное враньё.
тебя же покину, моя дорогая,
чтоб ты не разбила сердце моё.

лето в своём разгаре душит и жарит кожу,
в воздухе запах цветов и густой травы,
ветер путает длинные волосы, боже,
как не терять головы.

мы беззаботно счастливые и молодые
прячем глаза за стёклами тёмных очков,
ты держишь меня за плечи мои худые
так, как никто бы не смог.

я в том самом ситцевом платье,
твоём любимом,

улыбаюсь, клоня голову на плечо,
ты называешь меня бесконечно милой...
и лето так горячо.

опьянён ты до края нежностью или мною
и раз двадцать сказал мне себя беречь,
лето льётся янтарное, золотое...
что оно может нам предречь?

разговоры о важном или совсем ни о чём,
сердце трепещет так, что никак не вдохнуть,
я наслаждаюсь одним лишь моментом, причём,
кажется, в этом вся суть.

не забыть бы купить молока —
так сказала в маршрутке женщина.
дома ждут, не меня пока,
но надеюсь, это изменится.

через год повторилось всё снова,
отчего-то взгрустнулось слегка,
дома нет никого (что не ново).
не забыть бы купить молока.

**Григорий
ИВАНЧЕНКО,**
21 год

Я думаю: квартира, метров в 40 квадратных, балкон.
Картины на стенах. У тебя кофе, у меня с молоком.
В шортах по дому зимой, если холодно — под пледом вдвоём.
Кошка где-то над нами, мы улыбаемся и что-то поём.

На стульях одежда, нет жажды куда-то идти,
Батарей тёплые, мы друг для друга появились, чтобы спасти.
Везде твои тёмные, недлинные пряди.
И даже на мне насчитал четыре-пять их.

Во дворе детская площадка, с горкой, качелей,
Вокруг деревья, небольшая аллея.
Ночами, летом, по субботам,
будем сидеть и пить там наглей. Вино.
А потом домой смотреть твои сериалы или моё кино.

В холодильнике будет варенье, у тебя будет маленький сад,
В нашей однушке не будет вранья, чему я нескончаемо рад.
Мы осенью на балконе будем смотреть листопад,
Для нас эта берлога будет собственный рай и ад.

Наши юношеские фотографии будут лежать в шкафах,
И множество блокнотов,
где я описывал нашу жизнь в стихах.
И фотоаппараты, а в душе весна навсегда.
Но это всего лишь думаю я.

«бы»

Ехать бы с вами вечно, люди, которых люблю,
Жить бы так, словно не с чем держать в руках свечу,
И видеть бы любого вечно, но давно уже вечер тут.

Меня, выходит, наверное, уже нигде не ждут,
И любой контакт с социумом — пряник и кнут,
Сначала к нам ласково, а потом даже кости жрут.

Как бы ни было одиноко — вспоминай фото,
Как бы ни становилось плохо — затем хорошее что-то,
И видеть бы закат тут сотый, но рассвет вызывает рвоту.

Сколько ни люби кого-то, всё равно солгут,
И будь стойким, словно один ты в поле солдат,
И будь каждому моменту бесконечно рад.

Сосчитать бы дни, что я так и не собрал в кулак,
Узнать бы нам всем, кто тут настоящий враг,
И сказать: «Стоп, хватит самому себе врать». ❏